

УДК 8(091)
ББК Ш4в6

Е.В. Ширина

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ РОССИИ
СЕРЕДИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ
А.И. ГЕРЦЕНА**

В центре внимания политические концепты в публицистике Герцена 50–60-х гг. XIX столетия, такие как Власть, Народ, Россия, Личность, отражающие наиболее знаменательные темы общественно-политической жизни России в художественной и политической литературе. В поле теоретического исследования такие понятия, как концепт и дискурс, стали предметом анализа в современную эпоху. Сущность их в единении фактов исторической реальности и субъективных ее оценок с позиции автора текста. Доминирующие признаки высказывания в дискурсе помогают понять автобиографическое начало творчества публициста, что является важнейшей чертой журналистики. Другая сторона – стилистическое своеобразие Герцена, умение раскрыть сущность концепта через схемы риторических приемов изложения. Риторическое богатство публициста – залог эффективного воздействия на сознание читателя. Это еще одна малоисследованная страница его творчества.

Ключевые слова: *концепт, политический дискурс, дискурсивное мышление, концептуальная дефиниция, риторические схемы речи.*

Ширина Елена Владимировна – докт. филол. наук, зав. кафедрой средств массовых коммуникаций факультета филологии и журналистики Южного федерального университета

Тел.: 8-928-226-65-75

© Ширина Е.В., 2013.

В апреле 2012 г. исполнилось 200 лет со дня рождения А.И. Герцена. Его жизненная и творческая концепция определялась личностным началом во всех оценках исторических фактов и событий той эпохи, в которую он жил. О нем много писали и, казалось бы, нет темы, не получившей освещения в герценоведении. Однако и сейчас его творчество скрывает в себе новые аспекты разнообразных проблем гражданской, общественной и политической жизни России середины XIX столетия, которые воспринимаются не только со стороны исторической, но и современной действительности ввиду их актуальности и в наше время. Именно эта мысль нацеливает современных ученых на то, что многое из его наследия подлежит изучению и весьма полезно знать нашему и будущему поколению. Еще в юношеские годы личность Герцена впитала в себя все то, что определило его характер и творческую силу в зрелые годы. О себе он писал: «Вот юноша пылкий. Пламенный... он полон надежд, силен каким-то пророчеством... независим. Слава – его цель, мир идей – его мир» [Герцен, XXI, с. 177]. Особую ценность публициста и писателя составляет отмеченная многими связь личного, биографического и творческого. Об этом говорил Л.Я. Гинзбург: «Биографическое начало в жизни и творчестве Герцена – это убеждение в том, что его личность и судьба – судьба мыслителя и деятеля – являются фактом исторического, всеобщего значения» [Гинзбург, с. 54]. С самого начала своего пути Герцен соединяет личную жизнь

с общественной деятельностью творца и человека, отдающего себя служению политической идее, ведущей к созданию нового мира со справедливым социально-общественным строем.

Это убеждение ставит его в центре динамических событий 50–60-х гг., отраженных в «Колоколе» в период его вынужденной эмиграции. Они концентрируются в таких отправных понятиях, как *Власть*, *Народ*, *Россия*, *Личность*, и рассматриваются в параметрах нового научного, концептуального осмысления общественно-политической линии его творчества. Подобные понятия воспринимаются в современной науке как политические концепты, представленные в дискурсивном объективно-субъективном понимании автором реальной действительности. Выделенная проблема – новая, кардинальная линия научных исследований как в художественном, так и в публицистическом творчестве.

Концепт – это, с одной стороны, языковая единица, содержащая информацию, которую несет знак о том или ином факте, событии, явлении, но с другой – это сумма личностных о них представлений. Носитель языка становится интерпретатором, передающим полученные им знания от своего «я», со своих позиций и взглядов. Формально структура концепта – слово или словосочетание в номинативной «единице реализации» [Гийом, с. 91]. Из этого постулата через контекст определяется связь простой словесной единицы с мыслительным процессом и спецификой авторского понимания. Таким образом, смысл концепта зависит от субъекта высказывания, подлинной мотивации, исторических предпосылок и характера его взглядов и установок. Отсюда нельзя не учитывать дискурсивное мышление носителя языка, ибо оно может быть совершенно различным у разных субъектов концептуальных знаний даже на одну тему. Следовательно, концепт способен выразить особое, осмысленное его создателем, отношение к объекту определенной реальности.

Дискурс – основа не каждого высказывания. По определению Н.Д. Арутюновой, это «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, с. 135], в динамике развития, в субъективной манифестации, что зависит от личности автора, его мировоззрения. Поэтому изучать дискурсивное мышление возможно только с учетом автоконцепции носителя языка и его сознания. Значит, через дискурсивный текст раскрывается языковая картина мира, представляющая целенаправленное социальное действие в коммуникативно-прагматическом аспекте и обусловленная психологическими факторами сознания субъекта речи. На этом основании дискурс признается текстуальной формой существования условий, определяющих языковой портрет публициста или писателя, имеющего характерную для них дискурсивную формацию, сущность которой в публицистическом тексте убедительно раскрыла Е.Ю. Третьякова. Она изучает дискурс печати в семиотической системе с учетом «человеческого фактора» в языке: представления действительности с точки зрения «взгляда из глубины языкового сознания автора». В этом случае усиливается принцип антропологизма в охвате всех сторон жизни, пред-

ставляемых через «призму духовных ценностей человека от «я» автора к «ты» читателя и к общему, объединяющему их началу» [Третьякова, с. 415]. Именно этим и объясняются аспекты новых направлений в исследовании дискурсивной формации того или иного жанрового текста, которые подводят к совершенно неизвестным поворотам уже известных тем.

Таким образом, концепт и дискурс становятся темами, составляющими новый ресурс исследований уже, казалось бы, кардинально изученных проблем. В мире нашего времени дискурсивный анализ публицистики А.И. Герцена раскрывает новые стороны его творчества и прежде всего – линию восхождения личного «я» автора во все формы социально-исторического повествования. Новизна этой проблемы еще и в том, что выбранные нами политические концепты пронизывают все его творчество как в художественной, так и в публицистической литературе. Несколько слов надо сказать о концептуальном поле, так как оно существенно отличается своей формой словесного выражения. Во многих случаях в настоящее время концепт изучают в широком пространстве воображаемого представления ученых, исходя из общего содержания текста, что делает анализ часто условным и неточным, поэтому и не лишенным ошибок в его определении с точки зрения авторской позиции. В таком случае бывает трудно установить истинные намерения автора текста. У Герцена концептуальный смысл заключается именно в его понимании и выражен конкретно логически точным определением. В словесной форме это номинативная единица, смысл которой раскрыт в дефиниции, совмещающей объективное ее содержание и субъективное, авторские характеристики. Поэтому и понимание концепта, даже при наличии общей темы, у разных авторов может быть различным. Нами рассматриваются политические концепты Герцена, содержательная структура которых носит характер позитивный («народ», «личность») и негативный, обличительный («власть»).

Вместе с тем нужно помнить, что взгляды носителя языка мотивированы историческими предпосылками и его мировоззренческими установками. Поэтому не может быть аналогии с современными трактовками концептов *власть*, *народ*, *личность*. Безусловно, они не совпадают. Дефинитивные представления названных концептов устанавливаются со слов «говорящего лица», созвучны эпохе жизни Герцена и его мировоззренческому их пониманию. И даже его единомышленники Н.А. Добролюбов и Д.И. Писарев по-своему определяли подобные концепты и описывали их в своем творческом своеобразии. Посмотрим на конкретные примеры из публицистики А.И. Герцена. *Власть* – «*только власть, т.е. сила, устройство, обзаведение, содержания в ней нет, обязанностей на ней не лежит*» [Герцен, XVI, с. 223]. Так Герцен характеризует самодержавную власть и придает ей сатирическую оценку: это «*сочетание власти азиатского шаха и прусского вахмистра... николаевщина встает из-под земли в форменном саване, застегнутом на все пуговицы*» [Герцен, XVI, с. 199]. Дефиниция концепта включает негативную оценку

деятельности правительственного аппарата во главе с правителем, развенчиваются методы управления: это *«империя солдат и розог, крепостного состояния и чиновников, немецкого абсолютизма и византийского рабства»* [Герцен, XIII, с. 232]. Россия – в концептуальном концепте получает у Герцена двойное определение, соединяя в себе две оценки: *«нечто живое, сильное, неведомое»*, что он связывает с пробуждающимися силами народа, и страна *«с закрытыми воротами, занесенными снегом, перед которыми шагает грозный часовой в медной каске и ботфортах, зловещее здание»* [Колокол, Герцен, XIII, с. 232].

Концепты *Народ* и *Россия* – неразрывно связаны между собой, они соединяют в себе представление о русском народе *«как великом, как почву, на которой разовьется новый государственный строй»* [Герцен, XVII, с. 294 – 295]. Положительный компонент в этом концепте отражают *«живые силы»* народа, *«свежие ростки будущего»*, *«христианское начало (ему не нужны крестовые походы)»*, героический дух *«защитника отечества»*, осознавшего себя как силу. Но вместе с тем русский народ невежественный, социально и политически подавленный, *«мрачно молчаливый столетия»*, *«невинная жертва»*.

Концепт *Личность* следует отнести к центральным и постоянным в публицистике Герцена. В становлении его смысла публицист и писатель прошел несколько этапов на своем жизненном пути, но по своей сути он всегда насыщен положительной динамикой. Герцену была свойственна социально-значимая оценка личности. Для него *«личность – живая сила, могучий бродильный фермент, – даже смерть не всегда прекращает его действие»* [Герцен, VII, с. 244]. Этот романтический афоризм раннего периода его творчества определил отношение публициста к личности *«разумного человека»* в последующие годы: *«цельность русской природы, страстность любви к России»*, *«новые фаланги будущего России, идущие нам на смену»* [Герцен, XVI, с. 39]. Утверждающая формула концепта *Личность* включает ассоциативные компоненты: ум, независимость, готовность пожертвовать собой, противостояние деспотизму, произволу, всевластию. Названные концепты интересны и стилиевой формой речевого воплощения. И эта сторона чрезвычайно важна в концептуальном творчестве, поскольку она-то и передает вместе с идейным наполнением понятия творческую специфику автора. В соответствии с публицистическими ориентирами в них преобладают конкретные указания на реальность именно потому, что историческая действительность показана точным и фактически верным указанием на определенную политическую ситуацию. Об этом писал Герцен: *«Россия – не теория. Россия – факт; его надобно признать для того, чтобы разбирать и понять»* [Герцен, XIV, с. 32].

Все публицистические концепты всегда подчинены модусу субъективного мнения автора и его собственной позиции, от имени своего «я». Но в основе концепта лежит реальный исторический факт, переданный в определенной идеологической установке. Создается когнитивно-прагматическая линия концепта – словесный механизм личных знаний

автора в их целевом назначении по его убеждению. В конкретном изображении власти 50–60-х гг. акцент делается на драматичные события этих лет: расправа в Польше, подавление крестьянских бунтов, борьба с инакомыслящими. Внутренняя политика самодержавной власти рассматривается с позиции революционно-демократического выступления передовых сил общества против деспотизма и произвола. Особое внимание уделено шести темам: политическая ситуация в стране; государственный аппарат управления; бедственное положение народа, деспотия власти; национальная политика самодержавия; внутренняя политика России; размышления о разумном устройстве будущего общества. «Россия была одним обширным острогом», «мертвящая сила царизма, схватив за горло развивающуюся жизнь, замерла...» [Герцен, XVI, с. 107]. Проблематика выражена в большей части статей Герцена в «Колоколе»: «Секущее православие» (1858), «Третья кровь» (1861), «Дурные оружия» (1862), «Ответы М.Л. Михайлова» (1862) и другие. Здесь стояли проблемы о несчастной Руси: «Сколько уст замкнулось на веки веков под позорной розгой твоих палачей» [Герцен, XIII, с. 364-365]; о произволе господствующей власти: Николай I «всекал униат в православие...», «русская кровь льется рекой» [Герцен, XV, с. 90]; о всплеске революционно-освободительного движения: «Мозг разлагается, кровь стынет в жилах... Кровь дымится, трупы валяются» [Герцен, XV, с. 101]; о накаленной обстановке в студенческой среде: «Силы ваши святы, вы открываете новую эру нашей истории» [Герцен, XV, с. 73]. Далее присутствует мотив личного отношения ко всему происходящему с использованием модальных средств языкового выражения о возможных путях изменения государственного строя, включение элементов повеления, призывов, личной убежденности, авторского обращения к властным структурам и прогрессивным силам страны, оценка их. «Один вопрос, который может поднять народ, – это освобождение крестьян с землей» [Герцен, XVI, с. 291]; «Мы прочим ему (правительству. – Е.Ш.) падение во второй срок переходного положения...» [Герцен, XV, с. 165]; «К польской, крестьянской крови прибавилась кровь лучших юношей в Петербурге и Москве... Раны ваши святы, вы открываете новую эру нашей истории...» [Герцен, XV, с. 185]; «Силы ваши – силы России, берегите их для нас...» [Герцен, XIV, с. 187]; «От души, с глубокой любовью приветствуем мы из нашего далека фаланги будущей России...» [Герцен, XV, с. 24]; «...Будем звонить к обедне, звать к сознательному делу!» [Герцен, XVII, с. 294 – 295].

Поскольку концепт для увеличения силы убежденности нуждается в обоснованной аргументации, то увеличивается и сила искусства словесного оформления. Все яркие публицисты той эпохи мастерски использовали риторические приемы. Герцен был из тех, по творчеству которого можно буквально составить риторическую энциклопедию словесного мастерства. В результате, в понимании концепта участвуют элементы объективной информации, которую несет языковой знак, и способы субъективных о нем представлений, усиленных стилиевой тональностью риторических приемов и фигур речи и мысли. Здесь уместно

сказать о некоторых особенностях искусства риторического дискурса. С одной стороны, приемы убеждения, характерные риторике, воспринимаются как приемы истинного воздействия на адресата, но с другой стороны – они все равно остаются искусственным словесным сооружением, своеобразной игрой и во многом зависят от творческих способностей автора модулировать сознание адресата в нужном ему направлении. Эта особенность была подмечена некоторыми современными учеными: «Дискурс определяется не столько базовыми чертами личности, сколько императивами аргументации» [Хиршман, с. 9]. Иначе – многое зависит от того, как сумеет автор использовать приемы риторике, думая о своем желании убедить читателя или слушателя в своей позиции. Герцен прекрасно владел таким мастерством.

Сами по себе риторические приемы организованы таким образом, чтобы настроить адресата на определенное мнение, заранее обдуманное автором. Это сложная семантическая единица, которая служит целям преобразования исходных и расплывчатых представлений в более четкое и понятное их восприятие, в устойчивые формулы убеждения и согласия с автором. В этом суть риторике как науки и искусства, способ убеждения с целью порождения определенных эмоций и ощущений, способных в свою очередь привести к направленному формированию «новых модификаций изначальных стереотипов восприятия и поведения» [Авеличев, с. 10].

Риторическому искусству А.И. Герцена можно посвятить не одно объемное исследование, но в условиях статьи коснемся лишь некоторых его аспектов. Специально эти приемы в творчестве Герцена никогда не изучались, кроме обобщенного упоминания в одном из разделов книги Л.Е. Татариновой «А.И. Герцен» (М., 1980). Следовательно, новизна темы в настоящее время присутствует. Во-первых, мы отнесли ее к числу перспективных, ибо она расширяет знания не только о творчестве Герцена, но и риторике как науке, которая долгое время в нашей современной действительности была в забвении. Во-вторых, никогда риторические фигуры не рассматривались в качестве композиционного способа конструирования концепта. Риторический строй речи Герцена составляют или свободные атрибутивные экспрессемы, к которым относятся оценочная лексика, структуры антономазии (риторическая номинация), экспрессивная синонимия, или специально организованный контекст по схемам, составляющим фигуры мысли и речи. Стилистическая тональность таких текстов направлена на негативное или позитивное восприятие читателем содержания названных концептов по политическим оценкам и характеристикам Герцена. Так, в первом случае дано описание самодержавной власти и царского правительства, во втором же – охарактеризованы народ русский и личность, качества которой публицист восхвалял и ценил. Отсюда и способы изложения: ирония, шарж, пародия или романтическая приподнятость в стиле. Излюбленная стилевая манера Герцена – метафоризация, употребление слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии. Ярко представлен этот

прием в антономазии (переносное именование того или иного лица в пародийном его представлении), осмеиваются какие-либо его поступки, слова, качества характера и т.п. Иногда это один или распространенный словесный компонент, иногда он опирается на контекст. Таковы – «Вешатель» (о М. Муравьеве, министре государственных имуществ, участнике подавления польских восстаний 1830-31 гг.); «будущий граф» (о А. Тимашеве, управляющем III Отделением, начальнике корпуса жандармов, пародируется его желание получить графский титул); «Иаков Энтузиаст» (о Я. Ростовцеве, члене Главного комитета по крестьянскому делу, «предал декабристов по молодому энтузиазму»); «доносящий по особым поручениям» (о И. Липранди, чиновнике по особым поручениям); «Великий эстет» (о П. Вяземском, члене Главного управления цензуры, с намеком на «литературное поприще и изощренные кастратские требования к вольным публикациям»). Из распространенных приемов сатирической антономазии интересны обоснованные историческим мотивом несоответствия должности, представленные в пародийных тонах: «морской омар», «трезубец просвещения» (Путятин, министр просвещения, с намеком на звание адмирала) или «длиннейшая мера нелепости, царящая в верхнем слое», «жираф в андреевской ленте», «шест со шляпой» (с намеком на неумелое руководство Папина, министра юстиции).

Из тропеического искусства яркой индивидуальностью выделяется метонимия, когда вместо одного названия дается другое – по ассоциации. Особенность этого приема в том, что, став нарицательным, имя не нуждается ни в каких пояснениях, ибо оно и так понятно (по известной исторической или биографической мотивации). С такой реальной основой порицаются конкретные лица истории – самодержцы Николай I, Александр II. Причем, Герцен делает это по-разному. Иногда – по метафорическому переосмыслению какой-либо детали, например, герба России – изображения двуглавого орла как символа государственной власти: *«В то время как петербургский орел, опустив одну из голов, рвет по клочкам грудь несчастной Польши, около другой головы его собираются иные тучи – свои, домашние... Пусть он погодит служить молебны с своим бранденбургским коршуном, которого позвал на тир усмирения великого народа»* (1863) [Герцен, XVII, с. 56]. В другом случае дается образная характеристика Николая I, узнаваемая всеми по способам его правления или внешнего вида: *«рука, привыкшая держать ключи разных каземат и острогов, плеть и палку, веревку виселицы и ружье, направленное на кого-угодно»* [Герцен, XVII, с. 28].

В системе тропеических средств Герцену свойственно изображать в пародийном плане лиц, подвергаемых им обличительной критике в сопоставлении с животным миром, не вызывающим симпатий. Так, в статье «Исполин просыпается» (1861) Герцен заклеил русское правительство унижительным сопоставлением с омерзительными насекомыми: *«Есть нечистота движущая – все эти прусаки, богомокрицы, насекомые, лишённые крыл, но не лишённые аппетита, не совместные с дневным све-*

том. *Чихни, исполни, – и от них следа не останется, кроме несмываемых пятен польской и крестьянской крови!*» [Герцен, XV, с. 173].

Искусство конструирования стилистических фигур и речи Герцена отличает творческий способ означивать концепт по особой схеме – единой концептуальной схеме (ЕКС. – *Е.Ш.*). Это речевая формула, по которой концепт и его дефиниция представляют какую-либо риторическую фигуру или соединение нескольких, т.е. схема фигуры сама по себе уже является способом означивания того или иного концепта. В этом случае совмещаются, по сути, две схемы, концептуальная и риторическая, в узком ограниченном пространстве текста, организованном с определенной целью. Компоненты такого текста, «во-первых, являются композиционными блоками выражения концептуальной мысли; во-вторых, обеспечивают оптимальным подбором экспрессивных средств глубину выражаемой мысли и эффективность убеждения» [Ширина, с. 135]. Такая конструкция одновременно передает глубину концептуального суждения, привлекает и удерживает внимание читающего, управляет его сознанием и сильнее воздействует на его эмоциональность. Естественно, сочетать компоненты ЕКС сложно, но Герцен это делает с большим успехом.

Продемонстрируем такой прием на ряде типичных для Герцена фигур речи. Такова, например, **эпилемма**, включающая вопрос (или несколько) и вывод – ответ, сочетание их передает как логически-рациональное понимание концептуальной мысли, так и эмоциональную субъективную оценку автором того или иного концепта. И вместе с тем сразу раскрывается его понятийный смысл, императивный стиль изложения и эмоционально-волевое поведение автора, что усиливает дефиницию концепта и создает аргументацию убедительного и, следовательно, эффективного воздействия на читателя, особенно с учетом предлагаемого вывода. Концепт *Власть* определяется именно так: «*Как русское правительство поступит: трудно сказать, потому что в Петербурге нет русского правительства... вся эта богадельня эполет, чающих движения воды, несмышленных стариков Совета, сенаторов за негодность на всякую другую службу и проч. состоит из немецко-русских татар. Чисто русское в нем только невежество, привычка драться и говорить “ты”*» [Герцен, XV, с. 48].

Определение русского правительства в самодержавной власти – резко отрицательное: оно не способно понять ни славянский дух русского народа, ни национальных интересов России. Пафосность негодующего стиля Герцена создается анафорой или эпифорой (повтором начальных или конечных компонентов). Такая же речевая структура концепта *Личность*. Только она построена с участием двойной **эпифоры** (повторение однотипных смысловых единиц фигуры и синтаксического параллелизма после каждого отрезка речи в структуре текста). «*Везде, во всем, всегда быть со стороны воли – против насилия, со стороны разума – против предрассудков, со стороны науки – против изуверства, со стороны развивающегося народа – против отстающих правительств.*» [Герцен, XIII, с. 7–8].

В риторическом искусстве Герцена есть фигуры речи, совмещающие в себе две или три риторические схемы, кроме того, они обязательно насыщены тропеическими средствами языка: метафорами, сравнениями, эпитетами. Поэтому речь Герцена всегда яркая, эмоциональная, включающая образно-наглядные компоненты. Ее особенность – в привлечении приемов овеществления или олицетворения. Например, власть рассматривается как вещь, «устройство», без всякого намека на живую структуру, мир человека подменяется животным миром, и часто с отрицательной коннотацией. Так, в 1861 г., приветствуя поднимающиеся силы протеста, в статье «Исполин просыпается» Герцен заклеил русское правительство сопоставлением с миром животных, млекопитающих и насекомых. А неодушевленные номинативные структуры часто наделяются свойствами живых лиц: «Россия – облитая польской кровью дикая, сбитая с толку, потерявшая всякое различие между любовью и ненавистью.» [Герцен, XVII, с. 7-8]. Живые лица описаны часто приемами, относящимися к неживой природе: «Замерзший мозг на папинской вершине» (с намеком на постоянно высмеиваемый им высокий рост Папина и несоизмеримо маленькую головку); «Иссушенные под белым клобуком мозги Филарета (Московский митрополит, совмещающий функции священнослужителя и политического осведомителя); «зимующий характер Дубельта» (с ироническим намеком на долгое пребывание в должности начальника штаба корпуса жандармов).

Риторическое искусство Герцена можно изучать с разных сторон и в разных аспектах и ситуациях. Анализ его в концептуальных структурах позволяет авторам публицистических произведений повысить эффективность воздействия на аудиторию, что имеет особое значение в острых дебатах по вопросам политической жизни современной России. Вот почему творчество Герцена и его мастерство, несмотря на специфику отражаемой им исторической эпохи того времени, актуально и сейчас как образец речи в отстаивании политиками своих идеологических позиций и установок.

Литература

Авеличев А.К. Возвращение риторики // Бюбуа Ж. и др. Общая риторика. М., 1986.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.

Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. VII, VIII, XIII, XV, XVI, XVII, XXI.

Гийом Гюстав. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.

Гинзбург Л.Я. Автобиографическое в творчестве Герцена : Герцен и Огарев в кругу родных и друзей // Литературное наследство. Т. 99. Кн. 1. М., 1997.

Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Вып. 7. М., 1962-1964.

Третьякова Е.Ю. Коммуникативное пространство печати: пушкинская модель. Краснодар, 2002.

Хиришман А.О. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. Серия: политическая теория. М., 2010.

Ширина Е.В. Языковой портрет русских публицистов 60-х годов XIX века (творчество А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева). Ростов н/Д, 2007.